

терства. Это известие мы встретили бурными аплодисментами. Эраст Гарин с первых же дней нашел с курсом естественный и дружеский тон. Прежде всего, он был нашим товарищем. Во-первых, сказывался возраст: учитель был старше своих учеников всего на пять — семь лет. Во-вторых, мальчишеский, озорной характер Гарина, его склонность и любовь к эпатажу. На первом занятии он сел перед нами, снял ботинки и, весь по-гарински скрючившись, начал усиленно нащупывать пальцами рук тот гвоздь, который ему якобы натирал ногу. При этом он сразу нас предупредил, что он никакой не педагог. Такое оригинальное начало нам всем понравилось.

Для курсовой работы Гарин выбрал водевиль "Калиф на час". И тут мне опять необычайно повезло. Дело в том, что до поступления в театральные мастерские я учился два года в изотехникуме и хорошо рисовал. Поэтому Гарин и предложил мне быть художником спектакля. Он же подсказал направление поисков в решении оформления этого "восточного" водевиля: древние персидские миниатюры. Мы вместе с ним ходили в Музей восточных культур, где рассматривали десятки миниатюр, любуясь их необыкновенной выразительностью, необычайной конструктивностью и планировкой, дававшей возможность возникновению интересного решения. Макет получился, и наш преподаватель изогрaмоты оценил его высшим баллом. Теперь мне кажется, что, может быть, эта совместная работа с Гариним и положила начало моему увлечению режиссурой.

Как актер в водевиле я был занят в небольшой характерной роли Судьи. Вероятно, играл его скверно, ибо во всем подражал эксцентрическому рисунку гаринских ролей. Сейчас, когда прошло более пятидесяти лет, я задаю себе вопрос: был ли Гарин хорошим педагогом? В узком понимании значения этого слова, конечно, нет. Молодой учитель еще не умел раскрывать наши индивидуальности, его яркие, самобытные показы подминали нас. Но Гарин увлекал нас своей одержимостью.

В пору, когда я заканчивал театральное училище, Мейерхольд неожиданно поссорился с Гариним, и тот ушел из театра. На одном из собраний Всеволод Эмильевич резко отозвался о Гарине. Я не выдержал, вскочил и крикнул, что я не знаю, какому Мейерхольду мне верить: тому, который у нас на занятиях называл Гарина своим любимым артистом, или того, который говорит сейчас. Кроме того, некогда на "несправедливого" Мейерхольда, я разломал и макет, сделанный под руководством Гарина и приготовленный для просмотра Всеволодом Эмильевичем. Я понимал, что после такого "бунта"

против самого Мастера меня уже в труппу театра не возьмут. Поначалу так и оказалось: в списке принятых моей фамилии не было. Огорченный, я пошел к Гарину домой. Но он и его жена, режиссер Х.А.Локшина, ободрили сообщением, что они в Ленинграде организуют свой театр и меня берут туда. Прошло время. Я уже вернулся из летней поездки в Оренбург. Стою у чистильщика около телеграфа и вдруг ощущаю на себе чей-то взгляд, оборачиваюсь — Мейерхольд. Продолжая при-

стально на меня смотреть, он спрашивает, почему я не был в этот день на сборе труппы. Я мямлю, что я же не в труппе. Тогда он говорит: "Бегите скорее к Нестерову (это был начальник режиссерского управления. — В.П.) и передайте, что я вас беру, а иначе не попадете в афишу". Я первым делом бегу к Гарину: "как быть?" и "что делать?". И тут "обиженные" Мейерхольдом Гарин и Локшина мне растолковывают, как много им дал Мастер, и сколькому он их научил, и что мне, начина-

ющему актеру, непременно надо идти к нему, чтобы пройти эту высшую школу мастерства. Я помню их слова: "Идите к Мейерхольду", и за них я им благодарен всю жизнь.

Через некоторое время, приехав из Ленинграда, Гарин вернулся в Театр Мейерхольда, и моя дружба с ним возобновилась. В те годы вокруг него образовалась целая молодежная группа. В нее входили ставшие потом известными художники Вера Аралова и Ирина Вилковир, литератор, переводчик и

театральный критик Николай Оттен, драматург Алексей Арбузов, журналист и драматург Александр Гладков, критик Яков Варшавский и я. Мы все встречались почти ежевечерне. Сколько у нас было ночных прогулок по Москве, длинных разговоров и споров на личные темы и темы искусства, сколько мы сочинили шуток, розыгрышей! Нас всех объединяла, прежде всего, огромная любовь каждого к Мейерхольду. Помню, мы вместе с Гариним сидели на репетиции "Вступления" и видели, как родилась знаменитая сцена в ресторане с танцем Нунбаха — Свердлина. После репетиции мы стали думать: каким одним словом можно охарактеризовать Мастера? И Гарин сказал: "Волшебник".

Маяковский был нашей второй большой любовью. Мы знали наизусть его стихи и поэмы, выступали с чтением их на эстраде, Гарин читал поэзию Маяковского своеобразно, но всегда с верным пониманием сути. На выставках "Общества станковистов" мы восхищались А.Тышлером, П.Вильямсом, Ю.Пименовым, А.Дейнекой. Мы восторгались и непревзойденным мастерством японского театра Кабуки и поразительным искусством Мэй Ланьфая. Мы ходили слушать симфонические концерты молодого Д.Шостаковича и С.Прокофьева. Мы были страстными поклонниками Чарли Чаплина и Бастера Китона, который, несомненно, оказал на Гарина большое влияние.

Эраст Павлович Гарин никогда не был похож на артиста, живущего в узком кругу только профессионально-технических интересов. Его всегда отличало умение восхищаться и вбирать в себя все смелое, новое, неожиданное в искусстве. Несомненно, что в годы нашей дружбы сложились те эстетические критерии, которые определили всю последующую жизнь.

После длительного перерыва мы снова встретились в 1957 году: меня назначили главным режиссером Московского театра сатиры, и я пригласил Эраста Павловича и Хесю Александровну в наш театр на постановку. Так появились их интересные режиссерские работы по пьесе Евг. Шварца "Тень" и по роману И.Ильфа и Е.Петрова "Двенадцать стульев".

Как многие талантливые люди, Эраст Павлович Гарин был человеком субъективным в оценках. В чем-либо понравиться Гарину было трудно. Так, собственно говоря, я никогда и не знал его отношения к моим спектаклям. Но он был необычайно обаятелен, и нас связывали горячие дружеские чувства.

Современное среднее и молодое поколение зрителей знают и любят Гарина по его кинематографическим ролям. Начиная же Гарин как большой и самобытный актер театра. И мне кажется, несмотря на огромную популярность, творческая судьба Гарина сложилась драматически. После Мейерхольда и его театра Гарину так и не удалось найти ни театральный коллектив, ни тем более режиссера, рядом с которым органично бы развивалось его дарование.

- Э.П.Гарин. 50-е годы
- Э.П.Гарин в роли Хлестакова
- "Золушка"
- "Свадьба"
- Э.П.Гарин и В.Э.Мейерхольд ищут позы для кукол к немой сцене "Ревизора"